



Рустем Вахитов, Уфа

КОРПОРАЦИЯ «МИНОБРАЗОВАНИЕ»

НОВЫЙ МИНИСТР ОБРАЗОВАНИЯ ДМИТРИЙ ЛИВАНОВ СЧИТАЕТ, ЧТО НЕОБХОДИМО СОКРАЩАТЬ БЮДЖЕТНЫЕ МЕСТА В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ И ПРИНЦИПИАЛЬНО ОТКАЗАТЬСЯ ОТ СОВЕТСКОГО БЕСПЛАТНОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ...

Вступление в должность нового министра образования Дмитрия Ливанова ознаменовалось скандалом. Незадолго до назначения на этот пост Ливанов дал интервью, в котором высказался за

сокращение бюджетных мест в российских вузах и за принципиальный отказ от советского бесплатного высшего образования. Уже в первые дни нахождения в должности министра Ливанов подтвердил свою позицию: «Как только мы уйдем от всеобщего бесплатного высшего образования, появятся механизмы, которые помогут привлечь на предприятия ценные кадры. Например, образовательный кредит. Если хорошее образование будет стоить дорого, и человек вынужден за него платить, он сможет взять кредит, а будущий работодатель в обмен на обязательства погасит его».

Это выступление министра уже вызвало ожидаемую реакцию. Интернет бурлит от возмущенных комментариев, смысл которых сводится к тому, что сам господин министр и его дети получили бесплатное высшее образование, а детей подавляющего большинства современных россиян он хочет этого лишиться. Очевидно, что при нынешних высоких процентных ставках на кредит и низких зарплатах россиян такой кредит, даже если его предложат, будет не по карману многим. Да и не бросятся предприятия становиться в очередь на выдачу кредитов... В сухом остатке мы имеем продолжение курса политики предшественника Ливанова – Фурсенко по снижению доступности высшего образования в России.

Однако эмоции – плохой ответ. В выступлении министра содержится теоретический тезис, который он не выдумал, его наше либеральное сообщество повторяет уже десятки лет, несмотря на то, что жизнь на каждом шагу опровергает эту умозрительную конструкцию. Суть этого тезиса проста: «платное образование всегда более эффективно». Так ли это на самом деле?

2. Как преподаватель с двадцатилетним стажем я застал еще советскую вузовскую систему. На моих глазах происходило медленное, но верное сокращение бюджетных мест и увеличение коммерческих наборов. И это сопровождалось катастрофическим снижением качества образования. Сегодня это качество практически близко к нулю.

Когда министр образования говорит о хорошем образовании в России, за

которое якобы нужно платить хорошие деньги, он или лукавит или проявляет полное незнание ситуации. Советское высшее образование, действительно соответствовавшее мировому уровню, по крайней мере в области подготовки специалистов по естественнонаучным и техническим специальностям, давно уже в прошлом.

Нынешняя российская высшая школа опустилась на уровень высшей школы развивающихся стран. По версии ARWU – Academic Ranking of World Universities – академическому рейтингу университетов мира, в 2010 году МГУ находился на 74 месте, СПбГУ – в четвертой сотне. О других российских вузах даже упоминаний нет.

Любой преподаватель современной высшей школы проиллюстрирует эту грустную статистику многочисленными примерами. Сплошь и рядом мы встречаем выпускников юрфаков, которые не знают ни одной статьи конституции, дипломников-филологов, которые пишут с грамматическими ошибками, студентов-историков, которые не могут ответить на вопрос: когда началась Великая отечественная война. По своему внешнему виду, манере поведения, речи большинство студентов сегодня мало чем отличаются от представителей других слоев молодежи. Все чаще проходя мимо стоек студентов у входа в университет, я ловлю себя на мысли: «пэтэушники».

Во времена моей юности так себя вели пэтэушники – ребята, которые в силу низкой успеваемости в школе не могли поступить в университет и шли в профтехучилища. Теперь такие ребята поступают вузы и даже составляют большинство студентов (есть и меньшинство – настоящие студенты-интеллектуалы, но не о них сейчас речь).

По статистике в 1970-1980-е годы в вуз поступали около 10% выпускников средних школ, теперь – более 80%. Это значит, что на первые курсы вузов сегодня попадают в основном юноши и девушки, не имеющие для этого необходимого уровня подготовки или грубо говоря, если раньше студентами становились школьники-«хорошисты» и «отличники», то сегодня в основном в вуз попадают «троечники».

Связь между коммерциализацией российских вузов и падением качества образования в них прямая. Чем меньше государство финансирует вузы, тем больше они вынуждены набирать студентов на коммерческой основе. Уровень подготовки таких абитуриентов, как правило, не очень высок (собственно, это и есть те самые «троечники»). Ни один

здравомыслящий родитель не будет платить за обучение своего ребенка, если тот имеет хотя бы малейшую возможность сам поступить на бюджет и учиться за счет государства. Чаще всего абитуриент, не добравший баллов для поступления на «бюджет» (который раньше просто не поступал в вуз), автоматически с теми же самыми баллами попадает на «коммерцию» (и становится студентом вуза).

Наши либеральные оппоненты возражают при этом, что ничего страшного в этом нет: абитуриент, сдавший не очень удачно ЕГЭ и поступивший на «коммерцию», может исправиться и хорошо сдать сессию, а те, кто не исправился, просто будут отчислены за неуспеваемость. Это возражение также свидетельствует о полном незнании реальной ситуации.

Как показывает мой опыт, если бы в современном российском вузе оценки ставились объективно, то две трети студентов были бы отчислены сразу же после первой сессии. Они просто не готовы к учебе в вузе, они и не имеют ни малейшего желания учиться в вузе. Они поступили, потому что их заставили это сделать папы и мамы, которые хотели спасти их от призыва в армию, обеспечить им хорошую карьеру в будущем, повысить их социальный статус. Сами они рассматривают учебу в вузе как нудную обязанность, а преподавателя – как продолжение школьного учителя, который все равно поставит им «троечку», потому что деваться ему некуда.

И ведь действительно, преподаватель ставит, потому что его вынуждает это делать руководство вуза (а если он это не делает, проявляя принципиальность, его по-тихому уволят, например, не продлив контракт, ведь по новому трудовому кодексу он обновляется через каждые 5 лет). Потому что если большая часть курса будет отчислена за неуспеваемость, то во-первых вуз лишится значительной доли коммерческих доходов, а во-вторых... значительной части преподавателей. То самое российское министерство образования, руководитель которого так любит рассуждения в либеральном духе, жестко увязывает количество преподавателей с количеством студентов.

Это значит, что если в течение сессии будет отчислено за неуспеваемость критическое количество студентов-лентяев, то по министерской разрядке вуз лишается преподавательской ставки и будет вынужден уволить одного преподавателя. А если это делать в каждую сессию в течении нескольких лет вуз лишится, например, 10 ставок и будет

вынужден ликвидировать целую кафедру...

Кстати, с недавних пор у нас ведена система ГИФО (государственные именные финансовые обязательства), в простонародье - «подушное финансирование». Согласно ей финансирование государством студентов-бюджетников также теперь зависит от их количества. Это означает, что если принципиальный преподаватель доведет до исключения нерадивого студента-бюджетника, вуз автоматически лишится суммы, выделенной государством для данного студента.

Все преподаватели это прекрасно знают и поэтому вынуждены завышать оценки. Фактически если студент не сдал зачет или экзамен, то придя с тем же уровнем знаний на переэкзаменовку, он все равно получит вождеденную «троечку». Как шутят в наших вузах: у нас двухбалльная система образования – зачет или потом зачет. А скорее всего преподаватель поставит нужную оценку сразу же, за принятие переэкзаменований ему администрация не платит, и смысла несколько раз ездить в вуз из-за нерадивого студента нет. Сегодня для того чтобы учиться студенту нужно немного: приходиться на экзамены и брать преподавателя «измором».

Таким образом, для студента получение диплома о высшем образовании превращается в покупку этого диплома на официальных основаниях у администрации вуза, но только в рассрочку и при соблюдении некоторых нехитрых условий, главное среди которых – делать вид, что учишься.

Кстати, денег, которые вузы получают от коммерческих наборов, все равно не хватает. Библиотеки не обновляются, лабораторное оборудование – устаревшее не на годы на десятилетия, производственные практики сокращаются, преподаватели получают смехотворные зарплаты и вынуждены подрабатывать, так что времени на качественную подготовку к занятиям не остается. В этой ситуации даже студенты, которые хотят и стараются учиться, не могут стать специалистами современного уровня, придя на производство он обнаруживают, что их знания и навыки давно устарели.

Вывод отсюда прост: российские вузы так устроены, что если государство перестает их финансировать, то качество образования в них резко падает. Секрет эффективности советской вузовской системы состоял в том, что финансирование вуза не зависело от студентов (или от их родителей). Вуз

полностью финансировался государством, которое было заинтересовано в получении хороших специалистов (тогда как сами студенты и их родители чаще всего заинтересованы не в знаниях, а в получении «корочки», поскольку они прекрасно знают: после окончания вуза устройство специалиста будет зависеть не от его знаний, а от «связей»).

3. Но могут возразить, что если оплату образования возложить на предприятия, как это предлагает министр Ливанов, то ситуация изменится. Предприятия, в отличие от нынешних спонсоров вузов – родителей абитуриентов, действительно, заинтересованы в том, чтобы студенты стали хорошими специалистами. Значит, им будет невыгодно то завышение оценок, которое негласно практикуется в сегодняшних вузах.

Такое возражение также, увы, наивно. Начнем с того, что либерализация 1990-х привела к частичной деиндустриализации страны. Десятки и сотни предприятий разрушены, в зданиях цехов разместились вещевые рынки. Оставшиеся предприятия давно уже не работают в полную мощность. Вряд ли они смогут выделять часть своей и так незначительной прибыли на образовательные кредиты. Исключения составляют предприятия нефтяной и газовой промышленности, но их ведь не так много.

Кроме того, министру ведь известно, что наши вузы готовят не только специалистов технического профиля. Как быть например педвузам, которые готовят школьных учителей, ведь начальное и среднее образование у нас в стране в основном государственные. Скажем, директору государственной школы действительно нужны специалисты, но не может же он из бюджета школы выделить образовательный кредит. То же самое касается медучреждений, которые также нуждаются в специалистах-врачах, но поскольку они сами на финансировании из госбюджета, они не смогут выделять средства на образовательные кредиты.

Но даже если бы у нас была развитая система частных школ и медучреждений, которые из своей прибыли могли бы выделять кредиты юношам и девушкам из малообеспеченных семей, то и это мало бы что изменило.

Допустим предприятие или частная фирма выделили будущему студенту образовательный кредит под приемлемые для него проценты и он поступил в вуз и учится там. Конечно, это предприятие заинтересовано, чтоб молодой человек приобрел именно ту специальность, которая требуется на данной конкретной

фирме (понятно, что это может быть и очень редкая и даже специфичная специальность).

Но в условиях современной России предприятие, оплачивающее обучение, не может никак повлиять на качество этого обучения. Оно не может изменить учебные программы и планы, даже если они давно устарели и готовят специалистов, которые в данной области уже давно не требуются; в России это даже не прерогатива вуза, а прерогатива министерства образования и науки, которое разрабатывает стандарты программ, а те потом спускаются вниз, в конкретные вузы и там уж подвергаются несущественной переработке.

То есть учебные программы и планы у нас сочиняют не работодатели, которые знают, какие специалисты нужны на практике, и даже не преподаватели, которые знают: как нужно работать со студентами и сколько лекций, а сколько семинаров желательно по той или иной дисциплине ... а чиновники от образования, многие из которых никогда не работали на производстве и не открывали дверь преподавательской, а всю жизнь просидели в высоких кабинетах.

Далее, предприятия да и те же родители студентов оплачивают обучение студентов. Сегодня доля их участия в финансировании вузов доходит до 40% и судя по инициативе министра образования будет еще выше. Но при этом они не имеют никакой реальной возможности контролировать: как расходуются деньги, которые они отдали вузу. Финансовыми средствами вуза единолично распоряжается ректор, который формально выбирается ученым советом университета (за исключением ректоров МГУи СПбГУ, которые непосредственно назначаются президентом РФ), а фактически назначается главой местной исполнительной власти.

Естественно, речь о реальном положении вещей, потому что в законе об образовании говорится о согласовании кандидатур, выдвинутых на пост ректора с аттестационными комиссиями, которые включают в себя представителей исполнительной власти субъекта Российской Федерации и общественных организаций; но на деле согласование оказывается всегда закамуфлированным назначением, тем более государственные органы имеют возможность по закону лишить вуз госаккредитации и тогда негодный ректор просто будет уволен и вуз передан в прямое управление соответствующим госорганом, действующим в сфере образования.

Правда, закон предусматривает существование попечительских советов при вузах для «привлечения дополнительных финансовых ресурсов». В них могут входить те же представители предприятий, которые оплачивают обучение студентов по определенной специальности, и формально попечительский совет может контролировать финансы и даже до определенной степени изменять учебные программы. Однако на практике это невозможно, потому что деятельность попечительского совета (в том числе и его компетенция) по закону регламентируется уставом вуза, а устав вуза принимается ученым советом вуза, то есть если называть вещи своими именами, ректором.

Кстати, по закону, подписанному президентом Медведевым в 2011 году, в состав попечительских советов обязательно вводятся представители местных органов исполнительной власти и местного самоуправления, так что эти советы – еще один инструмент влияния госорганов на вуз (вопреки декларациям об автономии вузов и о вузовской демократии).

Потому мы и наблюдаем картину, когда предприятия или родители студентов выкладывают за обучение в вузе огромные деньги, а деньги эти уходят на помпезные ремонты зданий, зарплаты самому ректору и его приближенным, заграничные командировки для них, в вузе при этом не хватает необходимых материальных средств (оборудования, книг), все это видят и знают, но поделаться ничего не могут.

Наши либеральные реформаторы от образования из числа министерских работников при этом ссылаются на опыт США, где действительно студенты учатся за свой счет, а также за счет помощи родителей и образовательных кредитов от фирм и банков. Но там тот, кто платит за образование, тот и определяет его характер (вплоть до учебных планов и расходования средств).

Например, студент в США платит за обучение, но он сам и выбирает себе предметы, которые будет изучать, сроки за которые он это будет делать, то есть сам формирует свой индивидуальный учебный план. Фирма, выдающая кредиты для студентов, входит в попечительский совет, но ее представитель контролирует, куда идут ее деньги, корректирует программы обучения с тем, чтоб получить такого специалиста, какой нужен именно этой фирме.

В этом есть определенная логика, ведь рынок есть рынок и там если покупатель готов за что-либо отдать свои деньги, то он может и проверить качество товара. Но если следовать этой логике, то государственная опека над образованием должна снизиться до минимума, а свобода вузов увеличиться до максимума. В США так и есть: там имеется министерство образования, но его функции сводятся, скорее к мониторингу образования. Большинство вузов – частные и министерству они не подчиняются, учебные программы вузы разрабатывают сами, с учетом мнений работодателей и самих студентов, финансирование тоже изыскивают сами, наконец, они сами выбирают себе ректоров и руководство вуза, не согласуя их кандидатуры с государством.

Поэтому в министерстве образования США работает всего лишь 5 тысяч человек. Для сравнения – в России чиновников от образования более 4 миллионов.

Такова и должна быть позиция настоящего либерала: если высшая школа переходит на рыночные рельсы, то тогда вузам нужно предоставить автономию и свободы, а министерство образования сократить до минимума. И отсюда видно, что глубоко ошибаются те, кто считает, что Фурсенко и его команда (а теперь и его преемник), ломая советскую высшую школу, пытаются навязать России американскую «рыночную модель вуза» (а в этом убеждены и либералы, и их оппоненты консерваторы, только первые за это хвалят Фурсенко, а вторые наоборот - ругают).

В реальности у наших так называемых «реформаторов-рыночников», засевавших в министерстве образования, очень и очень своеобразные представления о рынке образования. Государство по их мысли должно снять с себя груз социальных обязательств и предоставить гражданам самим платить за образование (непосредственно или в кредит при помощи предприятий или банков), но при этом граждане, а также предприятия и банки не смогут никак повлиять на его качество; руководство образованием остается в руках государства, а именно ректора как чиновника, назначенного государством, органов местной исполнительной власти и подразделений министерства образования и науки.

Перед нами уродливый гибрид советской и западной систем высшего образования, причем от каждой взято худшее, а лучшее отброшено. Достоинством советской системы была доступность высшего образования для всех, в том числе и для

малообеспеченных слоев граждан и массовость выпусков специалистов. В периоды, когда страна нуждалась в индустриальном рывке за короткий срок, такая система работала весьма эффективно. Недостатком ее являлась малая гибкость: технологии меняются быстро, а для того, чтоб сменить программы обучения и приспособить их к новым технологиям требовался немалый срок, ведь программы эти разрабатывались в министерстве образования и представителям промышленности нужно было еще достучаться до другого министерства, пройдя через ряд бюрократических инстанций.

Эти недостатки давали о себе знать, когда «большой скачок» заканчивался и экономика переходила к нормальному состоянию. Достоинством американской модели является напротив ее большая гибкость, способность приспосабливаться к изменениям в производстве и в сфере бизнеса, но и недостатки ее очевидны – децентрализация, неспособность произвести сразу много специалистов одного и того же профиля и наконец платность, а значит малая доступность. Особенно эти недостатки проявляются в периоды экономического кризиса (когда например, система кредитования образования просто лопнет, как лопнула недавно ипотечная система США).

Наша же современная постсоветская система высшего образования становится все меньше доступной для широких слоев населения и в то же время она лишена гибкости, забюрократизирована, не имеет автономии и институтов самоуправления.

4. Такое положение вещей в российской высшей школе мало кому выгодно. Оно невыгодно студентам и их родителям, которые вынуждены все больше и больше платить за образование, качество которого становится все ниже и процесс которого они не могут контролировать. Оно невыгодно производству и бизнесу, которые получают все менее и менее подготовленных специалистов. По большому счету оно невыгодно и государству, которое нуждается в нормальной работе вузов для проведения модернизации.

Выгодно все это только... самому Министерству образования. Год от года министерство образования требует и добивается от тех, кто занимается распределением госбюджета (президента, правительства, Госдумы), увеличения госрасходов на образование (и оппозиция здесь играет нашим чиновникам от образования на руку, постоянно заявляя, что образование финансируется недостаточно).

По словам недавнего президента Медведева консолидированные расходы на образование в 2011 году составили 2 триллиона 100 миллиардов рублей против

10 миллиардов рублей в 1999 (<http://news.mail.ru/politics/7516020/>). Но при этом в течение 2000 годов неуклонно уменьшается количество студентов, обучающихся в вузах за счет федерального бюджета. В 2012 году их число составило 490,8 тыс. человек (<http://pedagogic.ru/news/item/f00/s02/n0000244/index.shtml>) на 7 миллионов российских студентов (часть из них, правда, обучаются в частных вузах). Число студентов-платников в госвузах за 2000-2010 г. увеличилось вдвое (http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1774261/dengi_studentam).

Итак, денег из бюджета министерство образования получает все больше, а тратит оно на обучение студентов все меньше. Куда же деваются финансовые потоки? Можно, предположить, что на увеличение благосостояния самих работников министерства. Во всяком случае статистика констатирует, что среднемесячная зарплата сотрудника министерства образования и науки на сентябрь 2011 года составляла 52 163 рубля (Блог честного статистика http://statistic.su/blog/zarplaty_rossijskikh_chinovnikov_i_gossluzhashhikh/2011-11-25-475). Это в разы выше средней зарплаты школьного учителя и преподавателя вуза.

В этой ситуации, безусловно, чиновникам не нужны академические свободы и автономия вузов, это ведь сделает ненужным такое количество чиновников от образования. Не нужен им и массовый выпуск хороших специалистов и прекращение развала вузовской системы – тогда не удастся выманить у правительства и Госдумы все новые ассигнования, которые оседают в карманах чиновников. Причем чем больше студенты, их родители, бизнес, предприятия платят за обучение, тем больше и оседает в карманах чиновников.

Корпорация «Министерство образования» давно уже высасывает деньги из государства, а фактически – из скромных бюджетов налогоплательщиков, многие из которых платят дважды: сначала налоги на содержание чиновников от образования, потом – взносы в кассы вузов за обучение детей. Причем, налогоплательщикам не приходит в голову, что можно просто выбрать или то, или другое: или не платить чиновникам, предоставив вузам автономию, или если уж поручить руководство образованием государству, как это было в советские времена, требовать от него, чтобы оно снова сделало образование доступным (последнее на мой взгляд сегодня предпочтительней хотя бы потому что страна снова нуждается в модернизации, а значит - в массовой подготовке специалистов). А не приходит им это в голову, потому что вокруг ситуации в высшей школе развели идеологический туман, скрыв истину за словесами о переходе к рынку и о необходимости «платить за хорошее образование»... ▲